

«WINDOW TO EUROPE» IN CULTURAL MEMORY: METAMORPHOSES OF THE FRONTIER METAPHOR

Denis S. Artamonov (a)

(a) Saratov State University. Saratov, Russia. E-mail: artamonovds[at]mail.ru

Abstract

The article discusses constructing ideas about the epoch of Peter I using the metaphor «window to Europe». From the moment of its appearance this metaphor meant overcoming the cultural borders between Russia and Europe. The reformatory activities of Peter I destroyed these boundaries. The metaphor reflected the mythological perception of the Russian Emperor's image and the process of Russia's rebirth. The stereotypical perception of Russia by Europeans after Peter's reforms contributed to the birth of the metaphor. It became famous from the work of F. Algarotti. A. S. Pushkin used this popular phrase in his poem «the Bronze horseman». The metaphor fixed myths about Peter's transformations in the collective memory of the Russians. The metaphor «window to Europe» was perceived as bridging the cultural frontier between civilization and barbarism. Transformations of the metaphor in different historical periods did not change its main characteristics. Variations of the metaphor further entrenched Peter's myths in cultural memory. Writers, poets, publicists, and historians have used the metaphor «window to Europe» in both positive and negative contexts to describe mutual influence of Russia and Europe. In the modern digital age it is still relevant - it retains its original meaning and has become an effective tool for constructing the past.

Keywords

Peter I; Peter's epoch; window to Europe; cultural memory; metaphor; frontier; images of the past; memory studies



This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).



«ОКНО В ЕВРОПУ» В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ: МЕТАМОРФОЗЫ ФРОНТИРНОЙ МЕТАФОРЫ

Артамонов Денис Сергеевич (а)

(а) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского». Саратов, Россия. E-mail: artamonovds[at]mail.ru

Аннотация

Статья посвящается проблеме конструирования представлений о петровской эпохе при помощи метафоры «окно в Европу». Данная метафора с момента своего появления означала преодоление культурных границ между Россией и Европой, разрушенных реформаторской деятельностью Петра I. Она отражала мифологическое восприятие образа российского императора, возродившего страну из небытия. Стереотипное восприятие России после петровских реформ в Западной Европе способствовало рождению рассматриваемой метафоры, ставшей известной из сочинения Ф. Альгаротти. Его фраза, ставшая популярной, была использована А. С. Пушкиным в стихотворении «Медный всадник», в котором в поэтической форме описывается мифологизированный образ Петра I. Пушкинская метафора закрепила в коллективной памяти мифологическое восприятие петровских преобразований, как преодоление культурного фронта между цивилизованной Европой и варварской Россией. Трансформации метафоры в различные исторические периоды не изменяли ее основных характеристик, наоборот, вариации только еще больше укореняли петровские мифы в культурной памяти. «Окно в Европу» как метафора использовалась и в положительном, и отрицательном контекстах, описывающих процесс российского и европейского взаимовлияния. В современную цифровую эпоху она продолжает оставаться актуальной. Сохранив незримую связь с образом Петра I, созданного поэтом, метафора стала эффективным инструментом конструирования прошлого.

Ключевые слова

Петр I; Петровская эпоха; окно в Европу; культурная память; метафора; фронт; образы прошлого; memory studies



Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно под фронтиром понимают различные явления, объединенные значением границы: как территорию между двумя государствами, рубеж между заселенными и незаселенными пространствами и передовую часть чего-либо (Эволюция, 2020). Метафора «окно в Европу» является отражением всех трех значений фронта в дискурсе, в котором Россия рассматривается в оппозиции цивилизация/варварство. Она обозначает место, чаще всего город, через которое происходит пересечение границы между российским государством и европейскими странами, но в большей степени имеется в виду некое преодоление цивилизационных различий между отсталой Россией и передовой Европой. В последнем случае метафора «окна», открывающего пространство прогресса, олицетворяет авангард, стремящийся ввести российское общество в семью европейских народов. Тем самым следует полагать метафору «окно в Европу» фронтирной, т. е. имеющей отношение к преодолению культурных и ментальных границ на воображаемой карте европейского континента (Вульф, 2003).

МЕТАФОРА В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Раскрытие данной метафоры, означающей взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик, территорию встреч и контактов различных культур и цивилизаций (Андреева, 2014, стр. 12), возможно через обращение к изучению культурной памяти. Как отмечал Я. Ассман, культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом, которое не сохраняется в ней как таковое, а сворачивается в символические фигуры, прикрепленным к ним воспоминанием (Ассман, 2004, стр. 54). Фигуры воспоминания создают мифы, обосновывающие прошлое и объясняющие настоящее из его происхождения. Миф можно определить как «словесное выражение такого объяснения (апперцепции), при котором объясняющему образу, имеющему только субъективное значение, приписывается объективность, действительное бытие в объясняемом» (Потебня, 1989, стр. 259). «Естественным переводом» мифа «в привычные формы нашего сознания» является метафора (Лотман, 2010, стр. 535). При метафорической интерпретации реальности особое значение приобретает ассоциативно-образная символическая связь между двумя объектами, которая позволяет «выявить внутренние категориальные значения, субъективно-семантический контекст,



сопровожающий познание окружающей человека действительности» (Глазунова, 2000, стр. 77-78).

Метафору часто называют свернутым мифом, в концентрированном виде представляющем информацию о мире, она является «не только способом мышления, но и механизмом познания и трансляции национально-культурной специфики мировидения и мировосприятия» (Стойнова, 2008, стр. 34). Передаваемые из поколения в поколение культурные стереотипы позволяют при помощи метафоры соизмерять познаваемое новое с выработанными исторически определенными эталонами. В ходе этого процесса метафора порождает культурные смыслы, формой трансляции и актуализации которых становится культурная память. По мнению Ю. М. Лотмана «смыслы в памяти культуры не «хранятся», а растут» (Лотман, 2010, стр. 675). Тексты, составляющие коллективную память, не только служат средством дешифровки смыслов, циркулирующих в современно-синхронном срезе культуры, но и генерируют новые. Таким образом, метафора в разные исторические эпохи постоянно воспроизводится, трансформируясь под влиянием новых обстоятельств, в которых она оказывается востребована.

Трансформация метафоры не приводит к забвению ее первоначального смысла, так как она сохраняет свой культурный код, обеспеченный наличием некоторых константных текстов, их инвариантностью или непрерывностью и закономерным характером изменений. Смысловая устойчивость метафоры делает ее эффективным инструментом познания прошлого. Как полагал Ф. Р. Анкерсмит, исторические миры являются приоритетной сферой метафоры, а метафоричность является характерной чертой исторического сознания, так как ее сущностью является проникновение в истину. Метафора позволяет превращать незнакомую действительность в знакомую и всегда предоставляет возможность рассматривать менее известную систему в терминах более известной (Анкерсмит, 2003, стр. 85). Однако одновременно метафора упрощает и мифологизирует историческую реальность, адаптируя ее под социальные и политические цели общества.

РОЖДЕНИЕ МЕТАФОРЫ «ОКНО В ЕВРОПУ»

Пример метаморфоз метафоры «окно в Европу» позволяет проследить каким образом в культурной памяти трансформировались представления о преобразованиях петровской эпохи. Образ Петра I и его реформ в массовом сознании крайне мифологизирован. Он укладывается в набор стереотипов, одним из которых является восприятие императора как деятеля, целенаправленно разрушавшего культурные

и политические границы между Россией и европейскими странами. Реальность проводимой Петром I политики не отменяет ее стереотипного, мифологического и метафоричного восприятия, наоборот, миф и метафора позволяют включать историю петровских преобразований в актуальную культурную память.

Одним из архетипов, присущих европейским народам, было противопоставление «цивилизованного» европейского мира враждебному «варварскому» окружению. Еще со времен античности общим местом в мировоззренческой системе европейцев стало представление о «северных варварах», о периодически повторяющихся набегах с севера и востока, постоянной угрозе агрессивного «варварства», которое изначально связывалось со славянами, а затем перешло на Россию. Российское государство воспринималась в Европе как варварская страна, представляющая опасность. Петровские преобразования и его попытки «цивилизировать» свой народ не прошли незамеченными для европейцев, но это не изменило их общего отношения к «русской угрозе» (Мезин, 2010, стр. 148-157). Вместе с тем, с XVIII в. Россия начинает выпадать из прокрустова ложа бинарной оппозиции «цивилизация – варварство», ее образ обретает динамику, отражающую модернизаторские усилия государственной власти. В глазах европейцев цивилизаторские устремления Петра I, хотя и не затронули устои традиционного общества, принесли свои плоды (Гордон, 2013, стр. 77). Под влиянием Вольтера возникла концепция героя-творца создававшего цивилизованную страну из культурного небытия, подобно Прометею, оживившему своих соотечественников с помощью чудесного огня, обретенного в Европе (Мезин, 2003, стр. 97). По мнению западных мыслителей, Петр I создал для России возможность приобщения к европейской культуре, однако, этого не произошло в полной мере из-за пассивного сопротивления русского народа.

Представление об ограниченном влиянии на российское государство европейской культуры и поверхностной цивилизации русской нации нашло отражение в метафоре «окно в Европу». Впервые этот фразеологизм употребил Ф. Альгаротти в своих «Письмах о России», написанных во время путешествия 1739 г. в Санкт-Петербург и изданных в 1760-м г. Повествуя своему корреспонденту об этом городе, он написал о нем как об «огромном окне, недавно распахнувшемся на севере, – окне, через которое Россия смотрит на Европу?» (Альгаротти, 2014, стр. 49). Как полагают исследователи, эта метафора появилась в ходе постоянных бесед Альгаротти с лордом Балтимором, его спутником в путешествии (Неклюдова, Осповат, 1997, стр. 263). В письме Вольтеру прусский король Фридрих II, встречавшийся с лор-



дом в том же 1739 г., схожим образом передает его слова о российском государстве. Лорд Балтимор «говорил о русских, как о механических зверушках, и заявил, что Петербург — это глаз России, которым она смотрит на цивилизованные страны, и если этот глаз закрыть, она опять впадет в полное варварство, из которого едва вышла» (Альгаротти, 2014, стр. 7). В этих высказываниях семантически близкие по значению слова глаз и окно стали способом выражения и одновременно конструирования стереотипного восприятия России как варварской страны, в которой только малая ее часть, сосредоточенная в г. Санкт-Петербург, стремится к цивилизации и прогрессу. Выражение, популярное Ф. Альгаротти, использовалось в европейской публицистической мысли, в частности, оно стало эпиграфом к книге Виктора де Комераса «Общая панорама современной России...», откуда и была известна А. С. Пушкину.

В поэме «Медный всадник» выражение Ф. Альгаротти приобрело законченный вид метафоры. А. С. Пушкин дважды закрепил ее в этом тексте, в поэтических строках «размышлений» Петра I: «Природой здесь нам суждено / В Европу прорубить окно», и в комментарии к ним: «Альгаротти где-то сказал: «Петербург — окно, через которое Россия смотрит в Европу — перевод с фр.» (Пушкин, 1977, т. 4, стр. 378, 396). Воображение поэта рисует картину создания Петром I города на пустом месте, из ничего. Первобытное мрачное пространство природы преобразуется силой его замысла в громадный каменный город. Санкт-Петербург становится метафорой послепетровской России, которая долго «оставалась чуждою Европе» и только преобразования Петра I позволили европейскому просвещению «причалить к берегам завоеванной Невы» (Пушкин, 1977, т. 7, стр. 211). Здесь Пушкин следует уже сложившейся европейской модели восприятия России после петровских реформ: царь-демиург вытаскивает из небытия своих подданных, являя не их миру, а мир им. В сознании поэта он разрушает границу между варварством и цивилизацией, осваивая дикую природу и прокладывая путь сближения с европейской культурой. Тем самым «окно в Европу» становится метафорой разрушения границ, разделяющих культурные пространства двух цивилизаций. А. С. Пушкин был убежден, что «Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою» (Пушкин, 1977, т. 7, стр. 101), т. е. оставаясь частью европейского мира, она не воспринималась им как таковая. Он считал, что виной тому именно Европа, так как она «в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна» (Пушкин, 1977, т. 7, стр. 211), поэтому Петру I пришлось «прорубить окно», пытаясь разрушить непреодолимые границы.

«ОКНО В ЕВРОПУ» В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА

Восприятие петровских преобразований как разрушения культурных границ между Россией и Европой, невежеством и просвещением было характерно не только для А. С. Пушкина, оно стало частью культурной памяти россиян уже к концу XVIII - началу XIX вв. Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» писал, что Петр Великий «должен был только разорвать завесу, которая скрывала от нас успехи разума человеческого, и сказать нам: «Смотрите; сравнитесь с ними и потом, если можете, превзойдите их!» (Карамзин, 1988, стр. 341). С. П. Шевырев, находясь в Риме 13 июля 1830 г., записал: «Теперь в России к Западу сто врат настезь растворено — и просвещение Европейское разных столетий, разных племен так и хлещет в нем морем Атлантическим. Петр Первый прорубил первые врата, широкие, огромные...» (Неклюдова, Осповат, 1997, стр. 264). В стихотворении «Петроград» 1829 г. С. П. Шевырев использует несколько другую вариацию для описания роли петровского города в приобщении к европейской цивилизации: «Станет град же, наречён / По строителе высокому; / Для моей России он / Просвещенья будет оком» (Шевырев, 1830, стр. 4).

Образ врат для изображения воскрешения России/Руси «из бездны тьмы» применил и поэт А. Н. Майков в стихотворении «Чудный век» 1839 г., приписывая это возрождение Петру I, «громовый топор» которого «сбил окопы / С широких врат в Европу; а в Неву / Приял гостей младенец - город новый...» (Майков, 1984, стр. 265-266). В. Г. Белинский прокомментировал это произведение, саркастически указав на то, что «тогда ворот (ни широких, ни узких) в Европу не было и что в том-то и состоит великий подвиг Петра, что он, по выражению Альгаротти, создал Петербург, являющийся окном, через которое Россия смотрит в Европу, а следовательно, первый сделал и ворота...» (Белинский, 1955, т. 6, стр. 25). В своей второй статье «Россия до Петра Великого», сравнивая российские города, публицист утверждал: «Всякое удобство, всякий шаг к цивилизации делается у нас через Петербург. Он окно и дверь в Европу» (Белинский, 1954, т. 5, стр. 146).

Глаз, око, занавес, врата, дверь, окно семантически близкие по значению образы, которые конструировали в культурной памяти миф о положительном влиянии европейского просвещения на Россию. Однако, емкая метафора «прорубленного окна» была использована и для отражения представлений об опасности, исходящей от недоброжелательных намерений европейских народов. Так П. А. Вяземский в «Старой записной книжке», передавал рассказ своего собеседника о



том, что в 1812 г. памятник Петра Великого предназначался к упаковке и отправлению в безопасное место, комментируя это следующим образом: «И подлинно, слишком было бы грустно старику видеть, как через прорубленное им окно влезли в дом его недобрые люди» (Вяземский, 1883, стр. 120). Кроме того, существовала вероятность, что «прорубленное окно», можно закрыть и тем самым прекратить доступ России к благам европейской цивилизации. Причем эта опасность могла исходить не извне, а от своих же российских «доброжелателей». Очень лапидарно, но чрезвычайно ёмко обозначил эту метафору М. П. Погодин, характеризуя С. Т. Аксакова «Петр прорубил окошко, а Аксаков его заколотит» (Барсуков, 1889, стр. 315).

Во второй половине XIX в. метафора «окно в Европу» становится культурным стереотипом восприятия петровских преобразований. Популярность поэзии А. С. Пушкина способствовала закреплению в культурной памяти именно этого образа, зафиксированного поэтом в «Медном всаднике», в значении разрушения барьеров на пути России к европейскому просвещению. Публицист К. Д. Кавелин в 1866 г., рассуждая о петровских реформах и их последствиях, в своем сочинении по русской истории использовал пушкинскую метафору, чтобы показать значение европейского влияния. Он рисует красочную метафорическую картину того, как «все образованное меньшинство русского общества бросилось в «прорубленное Петром Великим окно в Европу» и протеснялось туда наперерыв, неудержимо, с удивительной энергией» (Кавелин, 2020, стр. 189).

Метафора «прорубленного окна» ко второй половине девятнадцатого столетия стала отражать все основные мифы о петровской эпохе, сложившиеся в прочные конструкты культурной памяти. В этом отношении показательно стихотворение А. Н. Яхонтова «Окно в Европу» 1863 г., трехчастное построение которого воспроизводит три мифологических представления о Петре I и его преобразованиях. Зачин произведения: «Знать, было на Руси темно, / Коль сильным взмахом царь могучий / В Европу прорубил окно», воспроизводит миф о воскрешении России из небытия. Далее в стихотворении красочно, но не без иронии, повествуется о поверхностной европеизации, коснувшейся меньшей части образованного русского общества и принявшей внешнюю подражательную форму следования европейской моде. Здесь отражен миф о том, что просвещение России может последовать только из Европы, но русский народ к нему все еще не готов. Примечательно, что в своем произведении А. Яхонтов отмену крепостного права — «итог цивилизации» описывает через метафору «окна» и ворвавшегося свежего ветра: «И заповедное окно / Дыханьем

времени широко / Пред нами вдруг растворено!». Однако, результат открытия этого «окна» не удовлетворил поэта. По его мнению, он привел к еще большему забвению родной страны российской элитой, устремившейся в Европу за развлечениями, оставив заботы о своем хозяйстве. В конце Яхонтов закономерно ставит вопрос: «Не лучше ль силы побережь? / Не завалиться ли на печь, / Заколотив окно в Европу?» (Яхонтов, 1988, стр. 193-195). Представление о том, что от «прорубленного окна в Европу» больше вреда, чем пользы, можно назвать контрмифом, который отражает точку зрения о негативном последствии реформ Петра I, не так уж и редко встречающуюся в общественной мысли.

К началу XX в. «оконная» метафора перешла из публицистических сочинений и поэтических произведений в труды профессиональных историков, сохранив свою образность и мифологичность. Например, В. О. Ключевский описывал с помощью нее необходимость преодоления социально-экономического кризиса начала XVII в., т. е. «Смутного времени». Он утверждал, что если бы Россия «с честью вышла из этого кризиса, то не пришлось бы рубить окно ни в какую Европу, поскольку Московии был дан шанс самой стать Европой». По мнению историка, не только Петр I, но и его отец царь Алексей Михайлович понимали, что «необходимо стране вернуться в нормальную жизнь, то есть прорубить то самое окно в Европу» (Ключевский, 2010, стр. 192). Используя метафору для описания исторического процесса, В. О. Ключевский прочно связал ее с мифологическим восприятием сложных отношений России и Европы, согласно которому благоденствие страны зависит от успеха европейской интеграции. В XX в. метафора «окно в Европу» прочно вошла в культурную память в пушкинской интерпретации и стала отражением неразрешимой проблемы цивилизационных взаимоотношений двух культурных пространств. В. Ф. Ходасевич в своей речи «Колеблемый треножник» 1921 г. выразил ее так: «если вспомним, что именно пушкинский Петр смотрит на Петербург как на окно в Европу: тут вскроется нам кое-что из проклятейшего вопроса, имя которому – Европа и мы» (Ходасевич, 1991, стр. 201).

К концу XX российское историческое сознание изжило идею «европеизма» как петербургскую, продолжая решать вопрос о необходимости европеизации для страны. В поэтических образах «окна в Европу» появляются ноты разочарования в петровском прорыве. В песнях А. Городницкого: «На Невском реклама кино, / А в Зимнем по-прежнему Винчи. / Но пылью закрыто окно / В Европу, ненужную нынче» и Ю. Шевчука: «О где же, где же ты, Европа? / Смотрю за-



думчиво в окно, / Но заколочено оно» нашло отражение обесценивание «европейской идеи» и усиление амбивалентного восприятия Петербурга как ослепительно прекрасного и враждебно отчуждающего города (Исупов, 2015, стр. 176). М. Кураев в путевых заметках «Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург» находит емкий образ для описания бессмысленности сохранения метафоры, указывающей на культурные границы: «Без малого триста лет просуществовавшее «окно в Европу» сегодня лишилось стен, оно повисло в воздухе» (Кураев, 1996).

В XXI в. массовость образа «окно в Европу» и прочность его закрепления в культурной памяти стали предельно очевидны. Метафора стала использоваться утилитарно и в коммерциализироваться, она была использована в качестве названия для фантастического романа (М. Ахманов. Окно в Европу, 2010) и детектива (В. Андреева. Окно в Европу, 2007), а также известного российского кинофестиваля. Российские журналисты используют эту фразу в контексте выхода российских компаний на общеевропейский рынок, а производители пластиковых окон и магазины применяют ее в своем нейминге.

После 2014 г., когда в массовом сознании актуализировался стереотип противостояния России западной цивилизации и ее ценностям, образ Петра I, прорубившего «окно в Европу» стал часто обыгрываться в интернет-мемах. В пример можно привести красноречивый мем с портретным изображением императора, созданным Полем Деларош в 1838 г., и подписью: «окно в Европу срочно заколотить! Нынче вид из него ужасный!». Различные вариации мемов на эту тему имеют прямо империалистический характер: «А Нарва то русский город!!! Пора ему возвращаться!!! Хватит болтаться по европомойкам» или прямо иронизируют над «несовершенством» российского народа: «Прорубил окно. Чувствую кривовато вышло!». Примечателен в этом отношении мем, сравнивающий Петра Великого и украинского президента Петра Порошенко: «Оба Петра хотели в Европу. Один для этого поднял страну, а другой ее разрушил». В основе этих мемов лежит визуализация стереотипного восприятия повестки дня и мифологизированной метафоры, актуализированной в культурной памяти.

ВЫВОДЫ

В современном цифровом мире пушкинская метафора, сохраняя незримую связь со своим создателем, приобрела самостоятельное значение. Она прочно прописалась в культурном и сетевом пространстве, имея собственную статью в свободной энциклопедии «Википедия», создаваемой интернет-пользователями. Закрепленная в мифах о пет-

ровской эпохе метафора пережила целый ряд метаморфоз, и в каждое свое перерождение отражала и одновременно конструировала набор стереотипов, которые создавали представление о прошлом. Эта метафора является ключевой в формировании взглядов на Россию, ее место в мире, соотношение собственной идентичности с европейской. Различные вариации ее использования в целом воспроизводили общую концепцию преодоления отчужденности России от Европы и приобщение к ценностям европейского просвещения. Она означала и преодоление границ, и саму эту границу, простирающуюся между двумя культурными пространствами.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42063 «Петр I в исторической памяти современной России: репрезентация образа в медиасреде».

Список литературы

- Альгаротти, Ф. (2014). *Путешествие в Россию*. Санкт-Петербург: Наука
- Андреева, А. А. (2014). «Фронтир» как культурно-историческая категория. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*, (3), 11-15.
- Анкерсмит, Ф. Р. (2003). *История и топология: взлет и падение метафоры*. Москва: Прогресс-Традиция
- Ассман, Я. (2004). *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Москва: Языки славянской культуры
- Барсуков, Н. П. (1889). *Жизнь и труды М. П. Погодина* (Кн. 2.). Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича
- Белинский, В. Г. (1953-1959). *Полное собрание сочинений* (Т. 1-13). М.: Изд-во АН СССР
- Вульф, Л. (2003). *Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. Москва: Новое лит. обозрение
- Вяземский, П. А. (1883). *Полное собрание сочинений* (Т. VIII) Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича
- Глазунова, О. И. (2000). *Логика метафорических преобразований*. Санкт-Петербург: Фил. фак. СПбГУ
- Гордон, А. В. (2013). Россия в истории французской мысли (XVIII - XXI вв.). *Россия и современный мир: Проблемы. Мнения. Дискуссии. События*, 4(81), 76-102.

- Исупов, К.Г. (2015). Петербургский тезаурус. «Окно в Европу». *Общество. Среда. Развитие*, (1), 175-176.
- Кавелин, К. Д. (2020). *Мысли и заметки о русской истории. Избранные сочинения*. Москва: Издательство Юрайт
- Карамзин, Н. М. (1988). *Письма русского путешественника*. Москва: Правда
- Ключевский, В. О. (2010). *Полный курс русской истории: в одной книге*. Москва: ЛитРес
- Кураев, М. (1996). Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург. *Новый мир*, (10). Получено из http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_1996_10/Content/Publication6_5341/Default.aspx
- Лотман, Ю. М. (2010). *Семиосфера*. Санкт-Петербург: Искусство-СПб
- Майков, А. Н. (1984). *Сочинения в двух томах. Том второй*. М.: Правда
- Мезин, С. А. (2002). Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века. *Вопросы истории*, (10), 148 - 157.
- Мезин, С.А. (2003). *Взгляд из Европы: Французские авторы XVIII века о Петре I*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та
- Неклюдова, М. С. & Осповат, А. Л. (1997). Окно в Европу: Историко-ведческий этюд к «Медному Всаднику». В *Лотмановский сборник*, 2, (стр. 255-272). Москва: «О.Г.И.» Издательство РГГУ.
- Потебня, А. А. (1989). *Слово и миф*. Москва: Правда
- Пушкин, А. С. (1977-1979). *Полное собрание сочинений* (Т. 1-10). Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние
- Стоянова, Е. (2008). От ритуала и мифа к метафоре. *Вестник РУДН, серия Русский и иностранный языки и методика их преподавания*, (4), 27-36.
- Ходасевич, В. Ф. (1991). *Колеблемый треножник: Избранное*. Москва: Сов. писатель
- Шевырев, С. П. (1830). Петроград. *Московский вестник*, 1(1), 3-6.
- Эволюция подходов к изучению фронта. Часть 2 (2020, февраль 9). *Журнал фронтирных исследований*. Получено из <https://jfs.today/index.php/jfs/announcement/view/70>
- Яхонтов, А. Н. (1988). Окно в Европу. В *Петербург в русской поэзии, XVIII – нач. XX в.: поэтическая антология*. (стр. 193-195). Ленинград: Изд-во ЛГУ

References

- Algarotti, F. (2014). *Journey to Russia*. Saint Petersburg: Nauka (in Russian)
- Andreeva, A. A. (2014). «Frontier» as a cultural and historical category. *Bulletin of the Maikop state technological University*, (3), 11-15. (in Russian)
- Ankersmit, F. R. (2003). *History and tropology: the rise and fall of metaphor*. Moscow: Progress-Tradition (in Russian)
- Assman, Ya. (2004). *Cultural memory: Writing, memory of the past, and political identity in high cultures of antiquity*. Moscow: languages of Slavic culture. (in Russian)
- Barsukov, H. P. (1889). *Life and works of M. P. Pogodin* (Book 2.). Saint Petersburg: Printing House of M. M. Stasyulevich (in Russian)
- Belinsky, V. G. (1953-1959). *Complete works* (Vol. 1-13). Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences (in Russian)
- Evolution of approaches to the study of the frontier. Part 2* (2020, February 9). Journal of frontier research. Received from <https://jfs.today/index.php/jfs/announcement/view/70> (in Russian)
- Glazunova, O. I. (2000). *The logic of metaphorical transformations*. Saint Petersburg: Phil. FAC. SPbSU (in Russian)
- Gordon, A.V. (2013). Russia in the history of French thought (XVIII-XXI centuries). *Russia and the modern world: Problems. Opinions. Discussions. Eventi*, 4(81), 76-102. (in Russian)
- Isupov, K. G. (2015). Petersburg thesaurus. «Window to Europe». *Society. Wednesday. Development*, (1), 175-176. (in Russian)
- Karamzin, N. M. (1988). *Letters of a Russian traveler*. Moscow: Truth (in Russian)
- Kavelin, K. D. (2020). *Thoughts and notes about Russian history. Selected essays*. Moscow: Yurayt Publishing House (in Russian)
- Khodasevich, V. F. (1991). *Oscillating tripod: favorites*. Moscow: Sov. writer (in Russian)
- Klyuchevsky, V. O. (2010). *The complete course of Russian history: in one book*. Moscow: Litres (in Russian)
- Kuraev, M. (1996). Travel from Leningrad to Saint Petersburg. *New world*, 10. Retrieved from http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_1996_10/Content/Publication6_5341/Default.aspx (in Russian)
- Lotman, Y. M. (2010). *Universe of the mind*. Saint Petersburg: Art-SPb (in Russian)
- Maikov, A. N. (1984). *Essays in two volumes. Volume two*. M.: Pravda (in Russian)

- Mezin, S. A. (2002). Stereotypes of Russia in the European social thought of the XVIII century. *Questions of history*, (10), 148-157. (in Russian)
- Mezin, S. A. (2003). *View from Europe: French authors of the XVIII century about Peter I*. Saratov: Sarat. Publishing house un-ta (in Russian)
- Neklyudova, M. S. & Ospovat, A. L. (1997). Window to Europe: a Source study of the Bronze Horseman. In *Lotman's collection* (2), (pp. 255-272). Moscow: «O. G. I.» RSUH Publishing house. (in Russian)
- Potebnya, A. A. (1989). *The word and the myth*. Moscow: Truth (in Russian)
- Pushkin, A. S. (1977-1979). *Complete works* (Vol. 1-10). Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie (in Russian)
- Shevryev, S. P. (1830). Petrograd. *Moskovsky Vestnik*, 1(1), 3-6. (in Russian)
- Stoyanova, E. (2008). From ritual and myth to metaphor. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences, series Russian and foreign languages and methods of their teaching*, (4), 27-36. (in Russian)
- Vyazemsky, P. A. (1883). *Complete works* (Vol. VIII) Saint Petersburg: Printing House of M. M. Stasyulevich (in Russian)
- Wolf, L. (2003). *Inventing Eastern Europe: A map of civilization in the minds of the Enlightenment*. Moscow: A new lit. review (in Russian)
- Yakhontov, A. N. (1988). Window to Europe. In *Petersburg in Russian poetry, XVIII-beginning. XX century: poetry anthology* (p. 193-195). The Leningrad: Leningrad University Publ (in Russian)